

* О ГОМЕОПАТИИ.

(Письмо князю В. Θ. Одоевскому)

Д-ра В. И. Даля.

Вы хотѣли знать, любезный другъ, какимъ образомъ я убѣдился въ дѣйствительности гомеопатической медицины и призналъ, вопреки прежняго мнѣнія моего, осповательность этой школы - охотно расскажу вамъ это во всей подробности; напечатайте, если хотите, письмо мое; я обязанъ отчетомъ этимъ и свѣту, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые

* *) Печатая это письмо Владиміра Ивановича Даля, мы исполняемъ обѣщаніе, данное нами подписчикамъ въ «Хроникѣ» ноябрьской книжки журнала за прошлый годъ, по поводу исполнившагося тогда двадцатипятилѣтія со дня кончины этого извѣстнаго нашего писателя и врача. Оно заимствовано нами изъ "Журнала С.-Петербургскаго Общества врачей-гомеопатовъ" за 1875 годъ, редакторъ котораго, нозабвенный В. Дерикеръ, снабдилъ его тогда слѣдующимъ примѣчаніемъ, не потерявшимъ интереса и теперь:

"Письмо это писано въ 1838 году, т. е почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, но могло бы быть написано и вчера, до такой степени оно, по отношеніи къ господствующей факультетской медицинѣ, сохраняетъ свою своевременность и новость для тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежало бы. Мы перепечатаваемъ его, во-первыхъ, какъ историческій документъ, который мы обязаны сохранить; во-вторыхъ, потому что есть вещи, которыя мало сказать одинъ разъ: нужно повторять и повторять". Ред.

читали то, что писалъ я прежде противъ гомеопатіи.

Всѣ науки, всѣ отрасли учености составляютъ какую-то смѣсь неточностей и правды, несомнѣнныхъ истинъ и догадокъ, тонкихъ, глубокомысленныхъ умозрѣній и грубыхъ, иногда довольно забавныхъ ошибокъ - обстоятельство крайне неблагопріятное, но неизмѣняемое; гдѣ только человѣкъ дѣйствуетъ умомъ, соображаетъ и заключаетъ, тамъ ошибки и погрѣшности неизбѣжны; это понятно. Но какимъ образомъ явленія, подлежащія повѣркѣ пяти чувствъ, могутъ быть опровергаемы одною школою, какъ безусловно-ложныя, между тѣмъ какъ другая школа признаетъ ихъ видимою, неоспоримою истиною? Это, согласитесь, болѣе нежели странно и непонятно, это непростительно. Чему вѣрить въ наукѣ, если и самый опытъ не можетъ служить руководителемъ нашимъ, если нѣтъ пробнаго оселка ни на что, между тѣмъ какъ здравый смыслъ, разумокъ намъ говорить, что дѣло подлежитъ опыту,

чувствамъ, и что одинъ только опытъ и чувства эти могутъ рѣшить недоумѣніе? Неужели мнѣ слѣпо вѣрить словамъ и не добиваться до того, чтобы ощущать вещь и дѣло пальцами, глазами, ухомъ, если дѣло это подлежитъ повѣркѣ чувствъ моихъ? Неужели ссылаться всегда только на то, что говорили и испытали другіе, а самому сидѣть сложа руки? Извините и не осудите: я знаю, что вы вовсе не этого мнѣшія; но самое дѣло повело меня невольно на этотъ вопросъ - дѣло, о которомъ ученые и неученые цѣлой Европы спорятъ уже болѣе четверти вѣка, а вода ваша, ларчикъ отпирается очень просто - стоитъ только приняться за дѣло и испытать его самому. Опытъ, несомнѣнный и неоспоримый опытъ, рѣшить споръ, и непростительно, непонятно, непостижимо, какъ можно спорить и торговаться о явленіи, которое подлежитъ нашимъ чувствамъ. Въ особенности это обязанность каждаго добросовѣстнаго и благомыслящаго врача. Тридцатилѣтнему практику, заслуженному ветерану, можно сказать, не уронивъ

достоинства своего: "я уже старъ, вѣкъ свой отжилъ, и меня на новую науку не станетъ; я держусь того, что знаю, чѣмъ успѣвалъ 30 лѣтъ - пусть дѣти мои принимаются за указку, это ихъ обязанность". Но молодымъ собратамъ моимъ, которые только что собираются пожить на свѣтѣ и обрекли себя на пользу и спасеніе страждущихъ, имъ, воля ваша, непростительно коснѣть въ колеѣ своей, довольствуясь общею отговоркою: "это вздоръ и не стоитъ никакого вниманія". Нѣтъ, господа, прежде испытайте добросовѣстно, основательно, и потомъ говорите - тогда вы гласны.

О гомеопатіи говорено и писано очень много - по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ много, по мнѣнію другихъ, слишкомъ мало. Держитесь того или другаго мнѣнія, какъ вамъ угодно, но вы должны будете сознаться, что дѣло о сѹ пору еще не рѣшено; слѣдовательно о немъ потолковать можно, особенно, если сообразить важность предмета: быть гомеопатіи, или не быть. Больно и жалко видѣть и слышать, какъ

переливаютъ изъ пустаго въ порожнее, спорять на обумъ, догадываются, предполагаютъ и заключаютъ, гдѣ обязанность каждаго честнаго врача изслѣдовать и убѣдиться опытомъ, ложь ли это или правда? Дѣло слишкомъ важно, господа; его нельзя оставить безъ вниманія; люди ждутъ развязки отъ насъ, и имѣютъ полное право требовать ея. А мы дразнимъ другъ друга, ссоримся и миримся, принимаемъ или отвергаемъ то или другое ученіе, признаемъ и превозносимъ то, съ которымъ сблизили насъ случай и обстоятельства; презираемъ другое, отвѣчаемъ любопытнымъ: это вздоръ, вымысль или обманъ - а между тѣмъ вопрошающій нисколько не удовлетворенъ, потому что онъ слышитъ съ другой стороны почти тоже, и слышитъ еще объ опытахъ, подтвержденныхъ и засвидѣтельствованныхъ людьми, заслуживающими ни чуть не меньше довѣрія, какъ самодовольные оразители; слышитъ и видитъ, что дюдй, которымъ мы, до времени и причины, вовсе неправѣ отказать въ довѣренности,

называютъ насъ жалкими коновалами, а свое ученіе превозносятъ, какъ небывалое единственное въ своемъ роде открытіе! Помилуйте, господа, кому же вѣрить? О, если вы не испытали этого сами, то вы не знаете, какъ тяжело и грустно избирать больному и приближеннымъ его между этими двумя крайностями; два умныхъ, искусныхъ и обожаемыхъ въ своемъ кругу врача не могутъ сойтись для обоюднаго совѣщанія у изголовья умирающаго, потому что они другъ друга не цѣнятъ, не понимаютъ, а называютъ, каждый одинъ другаго, невѣждою или обманщикомъ! Не грустно ли это? а чья вина? тѣхъ, которые упорно и настойчиво уклоняются отъ опыта. Почти всѣ гомеопаты были нѣкогда аллопатами, учились по крайней мѣрѣ Иппократовой медицинѣ; но ни одинъ аллопатъ не былъ гомеопатомъ.

Обращаюсь ко всѣмъ почтеннымъ собратамъ моимъ по званію въ цѣлой Россіи, неужели чувство собственнаго достоинства не возстанетъ въ каждомъ изъ насъ противъ этого недостойнаго поруганія

науки и искусства и самого священнаго званія? Рѣшите дѣло; изобличите обманщиковъ, или признайте истину ихъ ученія; одинъ человѣкъ не въ состояніи этого сдѣлать; но общія силы, союзъ ученыхъ, благомыслящихъ и заслуживающихъ общее довѣріе людей - на примѣръ С.-Петербургское Общество Русскихъ врачей - могли бы сдѣлать это и соорудили бы себѣ этимъ въ бытописаніи врачебной науки и въ заслугахъ человѣчеству несокрушимый и вѣчный памятникъ.

Разберемъ дѣло и опредѣлимъ, что именно требуется, на первый случай рѣшить, въ чемъ именно состоитъ главнѣйшій основной вопросъ?

Гомеопатическое ученіе отличается отъ аллопатическаго двумя основными положеніями своими, составляющими краеугольный камень цѣлаго зданія: 1) употребленіемъ средствъ подобно дѣйствующихъ, производящихъ въ здоровомъ тѣлѣ болѣзнь, сходную съ исцѣляемою; и 2) употребленіемъ средствъ

этихъ въ безконечно малыхъ приемахъ, изготовляемыхъ посредствомъ перетиранія или перебалтыванія. Оставимъ теперь всѣ побочныя и окольныя обстоятельства, обратимся къ этому двойному началу ученія и постараемся изслѣдовать его поближе.

Дѣйствительно ли гомеопаты употребляютъ средства сообразно съ естественными ихъ цѣлебными силами? это вопросъ сложный, обширный, на который могутъ отвѣчать грядущія только поколѣнія, основываясь на долговременныхъ опытахъ. Но заключаютъ ли въ себѣ безконечно растертыя и разжиженныя снадобья эти какую-либо силу, могутъ ли они быть причиною какого-либо вліянія и измѣненія въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ - вотъ сущность того, въ чемъ заключается нынѣ вопросъ о годности или негодности гомеопатіи, вопросъ, привлекающій на себя общее вниманіе врачей и неврачей, больныхъ и здоровыхъ, и вотъ вопросъ, который не трудно, казалось бы, разрѣшить, потому

что десять, а много двадцать опытовъ, которые можно произвести въ нѣсколько дней, необходимо должны рѣшить недоумѣніе наше и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить истину или ложность, основательность или пустословіе ученія гомеопатовъ. Въ этомъ одномъ, согласитесь, довольно простомъ вопросѣ - оказываютъ ли безконечно малые приемы лѣкарственныхъ средствъ, изготовленныхъ по предписанію гомеопатовъ, оказываютъ ли они какое-либо дѣйствіе и вліяніе на составъ живаго человѣческаго тѣла? - въ одномъ вопросѣ этомъ заключается весь споръ, всѣ недоумѣнія наши; ибо, если средства эти ничтожны, если порошки гомеопатовъ никакого дѣйствія произвести не въ состояніи, кромѣ дѣйствія простаго сахарнаго или крахмальнаго порошка, то ученіе разрушается само собою и не заслуживаетъ никакого вниманія; тогда уже намъ нѣтъ рѣшительно никакой нужды до прочихъ началъ его потому что все ученіе играетъ мечтой, вымысломъ. Если же въ этихъ безконечно-малыхъ частицахъ

заключается лекарственная сила, то она может быть применена к исцелению, обращена в силу целебную - и самое исцеление недугов посредством ее возможно, сбыточно, и школа Ганемана основала учение свое на новом доселе неизвестном явлении природы, которое и заслуживает в этом случае полного нашего внимания. Следует ли тогда предпочесть учение Ганемана старому, испытанному учению Иппократа и последователей его - это вовсе иной, и здесь, по крайней мере на первый случай, посторонний вопрос. Если гомеопат и аллопат сойдутся только до того, что будут взаимно доверять друг другу, если не станут называть себя взаимно обманщиками, невждами; тогда пусть каждый из них следует тому учению, которое, по убеждению его, преимущественнее другого, так точно, как и ныне очень нередко врачи одной и той же аллопатической школы дают в одной и той же болезни различные средства, каждый в той уверенности, что

достигнуть своимъ путемъ одной и той же цѣли. Но тогда уже они, гомеопать и аллопатель, не станутъ безчестить званія своего, не будутъ называть другъ друга пройдохами, гаерами, обманщиками, а подадутъ одинъ другому руку братской помощи - и каждому воздастся свое. И такъ если рѣшимъ положительно - заключается ли въ гомеопатическихъ приѣмахъ какая-либо лѣкарственная сила, или нѣтъ? - то этимъ самымъ рѣшимъ несомнѣнно и судьбу этого ученія, опредѣлимъ: быть ли ему, или не быть? Если мнѣ скажутъ на это, что гомеопатическое ученіе, принятое въ строгомъ значеніи слова, то есть, пользованіе помощію сходнодѣйствующихъ (съ болѣзнію) снадобій, можетъ быть допущено и независимо отъ безконечно-малыхъ приѣмовъ, то я буду отвѣчать, что это вовсе иное и здѣсь нѣкоторымъ образомъ постороннее дѣло, и самый строгій аллопатель дѣйствуетъ, можетъ статья, въ этомъ смыслѣ иногда гомеопатически, я говорю только о дѣйствительности средствъ, изготовленныхъ

принятымъ у гомеопатовъ способомъ, и говорю, что сущность спора относится только до этихъ безконечно-малыхъ пріемовъ.

Странно и непостижимо, какимъ образомъ вовсе ложное ученіе, основанное на обманѣ, могло бы распространиться въ такой степени, какъ распространилось нынѣ ученіе Ганемана! Непостижимо, какъ тысячи, милліоны людей, всѣхъ званій и сословій, а въ этомъ числѣ и люди образованные, ученые, не одна чернь, могли бы утверждать положительно и съ совершенною увѣренностію, что испытали на себѣ силу и вліяніе средства, если бы сила эта была мнимая, вовсе не существующая! Согласитесь, что это было бы явленіе крайне странное и вовсе неутѣшительное. Чему вѣрить, къ кому и къ чему имѣть довѣріе, если ложь и обманъ, въ соединеніи съ ошибками и заблужденіемъ, являются передъ нами съ этимъ мѣднымъ лбомъ, со всѣми признаками и примѣтами правды, со всѣми законными доказательствами на

неопровержимую истину? Мнѣ скажутъ: "да мало ли суевѣрій развилось въ народѣ, и народъ вѣруеть въ нихъ слѣпо, упорно, развѣ это доказательство ихъ истины?" На это я отвѣчу, что здѣсь уже рѣчь идетъ вовсе не о толпѣ, не о черни; образованные, умные, здравомыслящіе, ученые люди сотнями, тысячами признають основательность Ганеманова ученія, причемъ всетаки прошу замѣтить, что ученіе это не расколъ, въ которомъ фанатики легко могутъ блуждать, и не толкъ философическій; нѣтъ, это дѣло осязаемое, познаваемое пятью чувствами. Если же мы, не изслѣдовавъ дѣла, не доказавъ ничего, назовемъ людей этихъ поголовно шутами и чудаками, обманщиками и обманутыми, то согласитесь, что они имѣють полное право отвѣчать тѣмъ же - и дѣло опять кончится одною перебранкою и впередъ не подвинется ни на шагъ.

Сверхъ того, позвольте мнѣ замѣтить еще мимоходомъ: почти всѣ народныя повѣрья имѣють нѣкоторымъ основаніемъ истину; иногда, правда, довольно трудно

доискаться корня и начала - такъ повѣрья эти искажены и переиначены - но искра истины таится въ нихъ почти всегда. Такъ, напримѣръ, я не призадумаясь высказать передъ вами и передъ цѣлымъ свѣтомъ, что всеобщее суевѣріе о сглаженіи, о порчѣ отъ глаза, не сказка, не басня, а былъ - явленіе, основанное на естественныхъ законахъ природы. Не распространяясь объ этомъ, скажу только, во избѣжаніе недоумѣній, что повѣрье это нынѣ, по безусловной всеобщности своей, обратилось въ смѣшную сказку; но не подлежитъ сомнѣнію, что есть люди, коихъ магнетическая сила глазъ сильно вліяетъ на человѣка слабѣйшаго и въ особенности на ребенка. Поэтому, возвратившись къ гомеопатіи нашей, скажемъ положительно, что здѣсь позволено благоразумному, добросовѣстному, благомыслящему человѣку только сомнѣваться; дѣло по себѣ, весьма не вѣроятно; а изнасиловать убѣжденіе свое, вѣрить вопреки убѣжденію - невозможно. И такъ сомнѣваться, доколѣ неоспоримое доказательство насъ не

убѣдить; а неоспоримое доказательство это и есть собственный опытъ подъ руководствомъ хорошаго гомеопатическаго врача.

Позвольте же мнѣ начать здѣсь съ себя, не потому, чтобы я въ спорѣ этомъ указалъ болѣе другаго, но потому, что я самъ себѣ ближе, могу говорить о самомъ себѣ подробнѣе, отчетистѣе, утвердительно, нежели о какомъ бы то ни было постороннемъ лицѣ; потому, что намъ здѣсь дорогъ только собственный опытъ.

Я обучался въ Дерптскомъ университетѣ. Тамъ, въ мое время говорили о гомеопатіи - какъ говорятъ обыкновенно о проказахъ Картуша. Мнѣ и въ голову не приходило спорить, или даже сомнѣваться; я слѣпо вѣрилъ безконечно уважаемымъ мною и понынѣ наставникамъ, и мнѣ казалось горько и больно, что такой дерзкій обманъ могъ найти столько послѣдователей и поборниковъ. Но мнѣ случилось однажды увидѣть своими глазами, что жаба (*angina tonsillarum*) была излѣчена совершенно, втеченіи нѣсколькихъ часовъ, однимъ

гомеопатическимъ приѣмомъ. Наблюденіе это меня крайне поразило. Но утро вечера мудренѣе. Переспавъ ночь, я стыдился легковѣрія своего и старался самъ себя убѣдить, что это или обманъ, или ошибка въ наблюденіи съ моей стороны, или случайность. Но каково было мое изумленіе, когда одинъ изъ самыхъ основательныхъ, положительныхъ и осторожныхъ ученыхъ нашихъ, а именно г. профессоръ Заменъ, замѣтилъ однажды въ клиникѣ мимоходомъ, что несмотря на всѣ недостатки гомеопатическаго ученія, дѣйствительность безконечно-утонченныхъ снадобій его не подлежитъ, въ иныхъ случаяхъ, никакому сомнѣнію, и присовокупилъ еще, со свойственною ему убѣдительною сухостію, не терпящею никакой лжи, что онъ самъ испыталъ неоднократно дѣйствіе этихъ средствъ. Это было сказано человѣкомъ, къ которому я питалъ безконечное довѣріе. Я не спалъ почти всю ночь: такъ работало во мнѣ сомнѣніе, недоумѣніе и жажда познать истину. Но вскорѣ здравый разумъ

взялъ верхъ: я привелъ себѣ на память всѣ доказательства ничтожности безконечно-растертыхъ и разжиженныхъ снадобій, и старался не думать болѣе объ этомъ дивѣ дивномъ, чудѣ чудномъ, отъ котораго у мыслящаго человѣка должна вскружиться голова и умъ можетъ зайти за разумъ. Короче, удобнѣе и сообразнѣе со здравымъ смысломъ было не вѣрить - и я не вѣрилъ.

Вслѣдъ затѣмъ, вступивъ на поприще службы, слышалъ, видѣлъ и читалъ я однѣ только жалобы на обманъ и наглую ложь гомеопатовъ. Военная жизнь и походы удалили меня отъ способовъ познать и испытать дѣло это основательно. Я не имѣлъ случая сойтись ни съ однимъ порядочнымъ, знающимъ и добросовѣстнымъ гомеопатомъ, я сходилъ съ однимъ или съ двумя такими, какіе есть и аллопаты, и которые, если не грѣшу, позволяли себѣ шарлатанить. Они, въ числѣ выздоровѣвшихъ отъ холеры, показывали такихъ, которые въ другой были болѣзны. Это вовсе отбило и вѣру и уваженіе мое къ этой школѣ: негодованіе мое возрастало и

усиливалось - и я острилъ надъ гомеопатами, гдѣ и какъ случалось, полагая, что подобная галиматья и небывальщина достойны одного только посмѣянiя.

Наконецъ сошелся я, послѣ долгой разлуки, съ человѣкомъ, мнѣ очень близкимъ и несказанно много уважаемымъ: достоинства его оцѣнены уже нынѣ всею столицей. Признаюсь, мнѣ льстило, что мы сошлись съ нимъ во мнѣнiи о гомеопатiи и въ выводѣ изъ мнимыхъ опытовъ нашихъ Я не призадумавшись принялъ предложенiе его осмѣять школу эту, по достоинству ея, въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей; выставить ее во всей наготѣ ничтожества, предостеречь легковѣрныхъ и опозорить обманщиковъ. Слѣдствiемъ этого была, составленная нами выдержка изъ книжки Симона, статья, напечатанная въ 1833 году въ «Сынѣ Отечества». Статья эта доказываетъ, что я безъ предубѣжденiя приступилъ впослѣдствiи къ опытамъ въ пользу гомеопатiи. Написавъ и напечатавъ подобную статью, право нелегко рѣшиться

даже на новые опыты, и еще труднѣе убѣдиться въ несправедливости своей и покаяться, признать всенародно вину свою... Ей-ей никому не придетъ на умъ клеветать подобнымъ образомъ на свою голову, и легче, въ десять разъ легче и благоразумнѣе, но конечно не честнѣе, было бы остаться упорно при своемъ, или по крайней мѣрѣ молчать, сказавъ: споръ и рѣши кому охота; я свое сдѣлалъ - и теперь въ сторонѣ!

Въ такомъ положеніи было дѣло это, когда наконецъ судьба свела меня съ человѣкомъ, который держался ученія гомеопатіи съ такою твердою, непоколебимою увѣренностію (это былъ покойный сочинитель «Монастырки», коего умъ и сердце требовали вѣры и глубокаго убѣжденія), что, послѣ долгихъ преній (которыя всегда оканчивались съ моей стороны тѣмъ, что я клялся не вѣрить, потому что не могу, покуда не убѣдятъ меня собственныя мои чувства), я просилъ и требовалъ опыта надъ самимъ собою - и опытъ былъ сдѣланъ, и не одинъ, а

столько, сколько нужно было для совершеннаго убѣжденія, для устраненія всякаго сомнѣнія о случайности посторонняго вліянія. Подробности опытовъ этихъ я уже разскажалъ въ другомъ мѣстѣ ("Сѣв. Пч." 1834 и 1835 гг.) и не стану ихъ вамъ повторять.

Теперь я осмѣлюсь спросить, что мнѣ оставалось дѣлать, вѣрить ли, или не вѣрить, когда я многократно испыталъ на себѣ самомъ и на другихъ дѣйствіе дециліонныхъ долей; держаться ли теоріи умозрѣнія, которое говорило мнѣ тогда и говоритъ теперь, что все это вздоръ и быть не можетъ, или вѣрить опыту, тому ощущенію, которое напоминало мнѣ ежеминутно о перемѣнѣ, происшедшей въ состояніи здоровья моего? Прикажете ли, несмотря на всѣ личныя для меня невыгоды, признаться откровенно, что вѣрю, неохотно, принужденно, но вѣрю поневолѣ, или нагло заператься, и подымать по-прежнему дѣло на-смѣхъ, вопреки совѣсти и собственнаго убѣжденія? Я знаю по опыту, что нелегко отступиться

отъ слова, за когорое, по крайнему разумѣнію и убѣжденію, стояль горюю; нелегко принять и отстаивать другое, которое самъ называль доселѣ исчадіемъ сумасбродства и обмана. Насмѣшки, толки и пересуды - все это можетъ устрашить и застращать даже и честнаго, благомыслящаго челоуѣка На тебя будутъ указывать, какъ на какого-то переметчика, немногіе тебя поймутъ, немногіе изъ немногихъ повѣрятъ чистотѣ твоихъ дѣйствій и намѣреній, станутъ искать скрытыхъ причинъ и пружинъ, побудившихъ тебя отщепиться, отложиться - словомъ, я самъ вижу, что гораздо выгоднѣе, спокойнѣе и безопаснѣе было бы остаться при старомъ мнѣніи своемъ, предоставить споръ ретивымъ охотникамъ, притаиться въ тиши и отдать дѣло на власть судьбы.

Я испыталъ на себѣ два средства: древесный уголь и поваренную соль, то и другое въ гомеопатическихъ приемахъ. Я испытываль средства эти нѣсколько разъ, получаль порошки за печатью и

запечатанную же записку, въ коей, подъ номерами, показано было, что заключалось въ порошокъ. Я записывалъ припадки - послѣдствія пріема, и потомъ уже распечатывалъ записку - и ни разу чувства мои меня не обманули: ни одного разу пустой, сахарный порошокъ не оказывалъ на меня дѣйствія - если я не принималъ его непосредственно за лѣкарственнымъ порошокомъ, ни разу припадки отъ различныхъ средствъ не были одинаковы, или отъ одного и того же средства различны. То же нашель я, дѣлая опыты надъ другими. Само собою разумѣется, что опыты эти должны быть сдѣланы со всею строгостію, отчетливостію, и добросовѣстностію, подъ руководствомъ гомеопатическаго врача, и что нельзя удовольствоваться однимъ или двумя опытами, но изслѣдовать дѣло съ терпѣніемъ и постоянствомъ.

Невѣрующіе скажутъ мнѣ на это, какъ обыкновенно: ты ошибался, тебя обманывали, или ты обманывалъ самъ себя. Это конечно отвѣтъ самый короткій и

самый естественный. Если мнѣ кто-нибудь рассказываетъ вещь или дѣло, которое считаю безсмыслицей, и говоритъ при этомъ: "я самъ видѣлъ, самъ испыталъ," тогда мнѣ остается только отвѣчать ему: или ты лжешь, или ты плутуешь и ошибаешься.

Другъ и собратъ мой, не признавая опытовъ моихъ довольно убѣдительными, приступилъ самъ къ опытамъ, и напечаталъ и письмо мое къ нему, и отчетъ опытовъ своихъ. Но послѣдній, по моему мнѣнію, также не совсѣмъ удовлетворителенъ, не безпристрастенъ. Подробный разборъ всего этого былъ бы утомителенъ для васъ, и кромѣ того не повелъ бы ни чему; словопренія въ этомъ дѣлѣ только отводятъ отъ мѣты, а не приближаютъ къ ней.

Положимъ, что дѣйствія гомеопатическихъ пріемовъ на здороваго человѣка столь слабы и незначительны, что могутъ подвергнуться сомнѣнію; положимъ, что этимъ путемъ трудно доказать то или другое; что предубѣжденіе съ обѣихъ сторонъ видитъ въ одномъ случаѣ дѣйствіе,

гдѣ его, молжетъ статья, нѣтъ вовсе, а въ другомъ не видить его, тамъ, гдѣ оно есть. Но неужели опыты надъ больными - гдѣ обстоятельства допускають опыты эти и искусный гомеопатъ ручается за успѣхъ, которому больной вѣритъ и охотно предается волѣ гомеопата - неужели опыты эти, сколько-нибудь продолжительные, могутъ еще оставить невѣрующаго въ недоумѣніи? Нѣтъ, этому я не вѣрю. Опровергають только тѣ, которые не наблюдали вблизи дѣйствія гомеопатовъ и лѣченіе ихъ; а кто видить и испытуетъ самъ, тотъ вѣритъ. Я приступилъ къ опытамъ надъ больными.

Слишкомъ четыре года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ перемѣнилъ я вовсе родъ службы и самое званіе свое; оставилъ, какъ говорится, врачебную практику, и вовсе не занимаюсь лѣченіемъ. Для меня, относительно выгодъ житейскихъ, рѣшительно все равно та ли, другая ли школа первенствуетъ; а это, позвольте замѣтить, обстоятельство немаловажное. Нехотя, и даже можетъ быть иногда безъ

самосознанія, люди упорно держались той или другой его стороны потому, что она доставляла имъ не только способы существованія, но довольство и избытокъ. Спрашиваю васъ по совѣсти: если бы я, какъ аллопаты, жилъ въ большомъ городѣ, въ столицѣ; знаніе и искусство мое было бы признано всенародно, и я проживалъ бы въ честномъ избыткѣ, пользовался бы достаткомъ, любовью и уваженіемъ - не нуженъ ли для этого необыкновенный духъ, самостоятельность и правдивость, чтобы вдругъ отказаться самовольно отъ всего этого, начать учиться снова, объявить, что я блуждалъ 10, 15 лѣтъ, сознаться въ этомъ и сдѣлаться гомеопатомъ? Будущность для меня неизвѣстна. Не говоря о тревогѣ, которую произвелъ бы переворотъ этотъ по цѣлому городу, о несносномъ вниманіи зѣвакъ и любопытныхъ, которые будутъ мучить и терзать меня, доколѣ не обживусь я снова и новость не обратится въ старину, не говоря объ этомъ, я не знаю, добыюсь ли опять съ новой школой своей прежней славы, чести и дохода? Все это пугаетъ и

страшаетъ меня прежде, нежели я успѣю обдумать дѣло, или, лучше сказать, я не хочу даже и думать о немъ, а остаюсь при своемъ - и раздражаемый почасту похвалами, похвальбою и нападками гомеопатовъ, начинаю козырять и самъ; дѣло надоѣдаетъ мнѣ, опостыло, опротивѣло - и согласитесь, я не могу уже быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Здѣсь лицепріятіе неизбѣжно.

Итакъ, я снова принялся, на короткое время, за практику, съ тѣмъ, чтобы испытать гомеопатическія средства въ болѣзняхъ. Здѣсь я убѣдился еще болѣе и положительнѣе, что средства эти дѣйствуютъ, дѣйствуютъ иногда удивительно скоро, сильно и спасительно.

Arnica, будучи принята внутрь гомеопатически, обратила на себя полное вниманіе мое, какъ удивительно цѣлебное средство при разныхъ ушибахъ. У меня записано болѣе двадцати такихъ наблюденій, изъ коихъ я совершенно убѣдился, что Arnica дѣйствуетъ тутъ

лучше и скорѣе пѣвокъ, примочекъ и натираній.

Въ летучей ломотѣ (не въ костоломѣ) *Bryonia* приноситъ скорую временную помощь, такъ-что дѣйствіе средства неоспоримо.

Я встрѣтилъ однажды въ Новоселкахъ (въ деревнѣ г. Балкашина) мальчика, который уже болѣе года одержимъ былъ *laryngitide chronica*. Онъ потерялъ голосъ вовсе, такъ-что даже и шопотомъ не могъ уже говорить внятно. Одинъ пріемъ *Spongiae toetae* возвратилъ ему голосъ черезъ ночь. Свидѣтелемъ былъ, между прочимъ, и самъ г. Балкашинъ. Но на что я привожу свидѣтелей? Если захотятъ подозрѣвать меня въ подлогъ, то свидѣтели могутъ подвергнуться тому же подозрѣнію; если же скажутъ: я ошибался, видѣлъ дѣло не такъ, какъ оно было, то вмѣстѣ со мною могли ошибаться и свидѣтели.

У одной женщины показалось затвердѣніе въ правой груди. Одинъ пріемъ *Carbonis animalis* разрѣшилъ вполнѣ затвердѣніе это, и въ то же время

произвелъ замѣчательное дѣйствіе - *pruritus in partibus genitalibus* на нѣсколько дней. Женщина не знала, что приняла, не знала, чего ожидать, а между тѣмъ описанное явленіе должно было слѣдовать приему.

Spongia tosta оказываетъ весьма замѣтное дѣйствіе на зубъ. Это испыталъ я нѣсколько разъ.

Silicea, въ ноготѣдѣ (*pararitium*), испытана мною разъ восемь, и каждый разъ съ явнымъ и разительнымъ успѣхомъ. Больной палецъ только обмывался, разъ или два въ день, лѣтнею водою; пластыри, припарки и примочки были удалены. Боль, краснота и опухоль всей руки, иногда выше локтя, проходили обыкновенно въ сутки; здѣсь не только чувство больнаго, но и наблюденіе посторонняго человѣка убѣждало въ дѣйствительности средства.

Говоря напередъ о хроническихъ болѣзняхъ, не могу не упомянуть объ одномъ чрезвычайно замѣчательномъ случаѣ. Оренбургскаго войска г. войсковой старшина Харитоновъ обратился ко мнѣ

лѣтомъ 1836 года, жалуясь на постепенную утрату зрѣнія. Всѣ предметы являлись какъ въ дыму, и очки не помогали. Осмѣлюсь замѣтить, что глазныя болѣзни, и въ особенности операціи, всегда были любимую и избранною частію моею въ области врачебнаго искусства. Я сдѣлалъ уже болѣе 30 операцій катаракты, посѣщаль глазныя больницы въ обѣихъ столицахъ и вообще видѣлъ и обращался съ глазными болѣзнями не мало. Смѣю присовокупить это для того, чтобы по крайней мѣрѣ не слишкомъ поспѣшно встрѣтить возраженіе: это были не катаракты, ты ошибся. Разспросы и осмотръ больнаго удостовѣрили меня совершенно, что у него въ обоихъ глазахъ хрусталики, особенно въ срединѣ, начали затемняться, они были уже дымчатаго цвѣта; больной не могъ уже читать и видѣлъ, безъ всякой боли, при солнечномъ сіяніи гораздо хуже. Къ операціи приступить было еще рано. Чтобы успокоить сколько нибудь больнаго, далъ я ему нѣсколько гомеопатическихъ

порошковъ *Pulsatillae*, не ожидая впрочемъ самъ отъ этого хваленаго средства значительной помощи. Но каково было мое изумленіе, когда зрѣніе вскорѣ начало поправляться, недѣль черезъ 8 или 9 возстановилось въ весьма значительной степени, и въ хрусталикахъ не осталось никакого видимаго слѣда туска! Сказка, господа, не правда ли? Я опять уже ошибся, не доглядѣль, оступился или промолвился? Я нисколько не удивляюсь вашему невѣрію; дѣло должно казаться нелѣпымъ, и я, опять зря, долженъ согласиться съ тѣми, которые находятъ, что было бы гораздо благоразумнѣе и осторожнѣе не разглашать такихъ вѣстей по бѣлому свѣту, чтобы не быть осмѣяннымъ, а молчать и предоставить другимъ неблагодарный трудъ ратоборствовать на этомъ сомнительномъ поприщѣ. Однако же я имѣлъ случай испытать то же средство еще раза четыре, при началѣ образующейся катаракты (*cataracta incipiens*), когда глаза были уже въ такомъ положеніи, что съ трудомъ только, присматриваясь въ близи и

отворачиваясь отъ окна, могли распознавать знакомое лице. Во всѣ четыре раза гомеопатическое средство оказало свое пособіе. Одинъ изъ этихъ четырехъ человѣкъ былъ мальчикъ помѣщика Хоменки. Навѣдавшись ко мнѣ, чтобы сказать спасибо за помощь, удивилъ онъ меня не мало слѣдующими словами: "когда я принялъ первый порошокъ, то я, сударь, было испугался, совсѣмъ потемнѣло въ глазахъ - и я сталъ видѣть хуже прежняго; потомъ однакоже, благодаря Бога, со дня на день становилось лучше, и, мѣсяца въ два, глаза очистились, только самая малость тумана осталась".

Доселѣ говорилъ я о болѣзняхъ хроническихъ; въ острыхъ дѣйствіе гомеопатическихъ средствъ несравненно явственнѣе, разительнѣе - и изумляло меня каждый разъ снова, когда случалось мнѣ быть свидѣтелемъ этого дѣйствія.

Жаба, *angina tonsillarum*, болѣзнь довольно обыкновенная; ходъ и теченіе ея извѣстны въ подробности; но средства аллопатическія рѣдко оказываютъ

значительную, или по крайней мѣрѣ скорую помощь. Испытайте въ этой болѣзни гомеопатическое лѣченіе, и если вы, положивъ руку на сердце, отъ чистой совѣсти скажете мнѣ: не помогаетъ - то намъ останется только развѣ принять въ основаніе гомеопатіи еще новое чудо, а именно, что средства гомеопатическія оказываютъ дѣйствіе свое только въ рукахъ гомеопатовъ; иначе я не съумѣю растолковать этого, потому что *Belladonna*, въ гомеопатическомъ приѣмѣ, уничтожаетъ жабу въ нѣсколько часовъ, а много въ сутки - и больной здоровъ. Это испыталъ я по крайней мѣрѣ двадцать разъ. Надобно однако же замѣтить, что опытъ этотъ лучше дѣлать посовѣтовавшись съ гомеопатическимъ врачомъ; есть случаи, гдѣ *Belladonna* останется недѣйствительною, и надобно прибѣгнуть къ другому средству.

Я испыталъ также, однажды, гомеопатическое средство въ довольно значительномъ воспаленіи легкихъ, вмѣсто кровопусканія, на что настоялъ бы всякій благоразумный аллопатическій врачъ:

больной получилъ втеченіи нѣсколькихъ часовъ три или четыре приема Aconiti; первый приемъ доставилъ, чрезъ полчаса, значительное облегченіе, а чрезъ двое сутокъ не оставалось и слѣда болѣзни; больной, Башкиръ, сидѣлъ уже на конѣ и пѣлъ пѣсни.

Наконецъ и въ заключеніе долженъ я упомянуть еще объ одномъ случаѣ, вѣзавшемся въ память мою, въ память ума и сердца, глубокими, неизгладимыми чертами. Единственное мое дитя, сынъ, одного года, заболѣлъ крупомъ. Я былъ въ это время въ отсутствіи, и когда воротили меня черезъ нарочнаго, то я засталъ ребенка уже здоровымъ. Корпусный докторъ нашъ, г. статскій совѣтникъ Бидерманъ, пользовалъ его гомеопатически. Признаюсь теперь откровенно, несмотря на безпредѣльную признательность мою къ нашему избавителю, мнѣ въ то время невольно приходило въ голову, что это былъ, можетъ статья, не крупъ, хотя подробные разспросы мои у жены не оставляли мнѣ почти никакого сомнѣнія.

Прошло около году. Я опять былъ въ недалёкой отлучкѣ - и опять роковой казакъ встрѣтилъ меня съ запиской, гдѣ было сказано, что ребенокъ занемогъ снова тою же самою болѣзнію, какъ тогда. Прибывъ съ возможною поспѣшностію домой, засталъ я у себя старшаго лѣкаря, г. доктора Кольшко, который по дружбѣ къ нашему дому, навѣстилъ ребенка уже разъ пять или шесть впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, но ожидая меня съ минуты на минуту, не рѣшился приступить ни къ чему, ибо гомеопатическимъ лѣченіемъ не занимался, а въ пользѣ аллопатическаго, при очевидной опасности, также не былъ увѣренъ. Г. корпусный докторъ былъ въ это время въ отсутствіи.

Выждавъ первый припадокъ или приступъ, нашель я, что сынъ мой дѣйствительно занемогъ крупомъ (что призналъ докторъ Кольшко еще до моего прибытія). Не стану описывать припадка этой болѣзни. Если же опять спросятъ меня, потряхивая головою: "да полно, крупъ ли это былъ?" то, кромѣ

свидѣтельства аллопатическаго медика, долженъ я замѣтить разъ навсегда, что ошибаться можно въ распознаваніи болѣзней разъ и два и три, но не каждый разъ; нельзя же, чтобы всѣ гомеопаты всегда ошибались въ этомъ, между тѣмъ какъ рассказамъ аллопата вѣрить всякій, доколѣ не изобличить ихъ въ ошибку. Если же захотятъ подозрѣвать при этомъ добросовѣстность мою, то на это у меня отвѣта нѣтъ и не будетъ; для такихъ людей я и не пишу и имъ не слѣдовало бы и читать рассказа моего, потому что онъ не можетъ принести имъ никакой пользы.

Докторъ Колышко, принимавшій такое родное участіе въ семейномъ горѣ моемъ, перевелъ духъ и отеръ потъ съ чела, когда я прибыль, и сказалъ: "дѣлайте теперь что хотите; рѣшите сами, къ чему приступить; но, Бога ради, не теряйте времени и не полагайтесь на сомнительное".

Быть вмѣстѣ и отцемъ и врачомъ - это обязанность крайне тяжелая, и тѣмъ болѣе еще, если отцу-врачу достанется рѣшить подобную задачу. Тяжело налегло у меня

на сердць. Я хотѣлъ было отдать ребенка въ полное распоряженіе заботливаго и знающаго врача-аллопата, но рѣшился напередъ просить его, чтобы онъ, бывшій съ самаго начала свидѣтелемъ болѣзни и судящій о ней вѣроятно хладнокровнѣ моего, сказалъ мнѣ, чего онъ надѣется отъ обыкновеннаго способа лѣченія. Онъ отвѣчалъ мнѣ со вздохомъ: "Вы сами знаете, что эта болѣзнь крайне опасна, и что довольно трудно съ нею совладѣть..." Это меня рѣшило. Я объявилъ положительно, что буду самъ пользоваться сына своего гомеопатически, тѣми же средствами, которыя спасли его съ годъ тому назадъ, и приставилъ только, по убѣжденію г. Кольшко, двѣ піявки къ горлу дитяти; *Aconitum*, потомъ *Spongia tosta* и наконецъ *Hepar sulph.* исцѣлили его совершенно. Уже послѣ приема первыхъ двухъ средствъ не было сильнаго приступа и ребенокъ оставался веселымъ и спокойнымъ, только хрипота особеннаго рода, измѣненіе голоса и по временамъ свистъ продолжались нѣсколько дней.

Послѣ перваго приѣма Spongia былъ ночью одинъ только приступъ или припадокъ чѣмъ болѣзнь и прекратилась, а постепеннаго уменьшенія и облегченія припадковъ, съ возрастающими между ними промежутками, какъ это бываетъ при обыкновенномъ лѣченіи крупа, здѣсь не было вовсе. Болѣзнь пресѣклась, остановилась, не достигнувъ высшей степени и не исполнивъ обычнаго теченія своего. Кому угодно, или кто по совѣсти можетъ, пусть приписываетъ все это пѣявкамъ, или, пожалуй, случаю, случайности, природѣ. Я изложилъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ оно было, и болѣе съ тою цѣлію, чтобы показать вамъ личное мое убѣжденіе и вѣру въ гомеопатию, чтобы устранить возгласы, подобные тому, который недавно сдѣланъ былъ какимъ то острякомъ въ "Сѣверной Пчелѣ". Онъ восклицаетъ: "Укажите мнѣ гомеопата, который бы пользовалъ дѣтей своихъ, въ опасныхъ болѣзняхъ, гомеопатически - и я повѣрю!" Я могу ошибаться, какъ человѣкъ, но то, что говорю и утверждаю, говорю добросовѣстно, по крайнему

разумѣнію и убѣжденію. Мнѣ еще остается повторить здѣсь, что разъ и два и три можно ошибиться, можно и должно усомниться въ дѣйствиі средства, можно и должно подозрѣвать, что скромная природа, совершивъ чудо это, желала предоставить намъ только хвалу и честь и славу, я даже увѣренъ и убѣжденъ, что это нерѣдко случается; но, господа, если успѣхъ каждаго удачнаго гомеопатическаго лѣченія приписывать безъ разбора и безъ дальнѣйшихъ околичностей матери-природѣ, то кому или чему приписать успѣхи лѣченія аллопатическаго, и какимъ образомъ объяснить чудо это, есть болѣзни, которыя исцѣляются природою всегда вѣрно, споро и несомнѣнно, если этому исцѣленію предшествовалъ извѣстный ничтожный пріемъ, въ противномъ же случаѣ болѣзнь всегда беретъ иной ходъ, по крайней мѣрѣ не прерывается вдругъ, безъ послабленія и постепеннаго упадка? Чѣмъ это объяснить? Я опять-таки попрошу обратить вниманіе на замѣчательное и вѣрное гомеопатическое исцѣленіе жабы,

какъ на явленіе очевидное и чрезвычайное, и осмѣлюсь спросить: если болѣзнь эта, обыкновенно довольно скучная, упорная и продолжительная, если она прекращается каждый разъ, въ теченіи немногихъ часовъ отъ одного ничтожнаго приѣма, то неужели тотъ, кто испытываетъ это десять, двадцать разъ сряду, будетъ глядѣть вамъ прямо въ глаза, не смигнетъ и скажетъ: "это случай; болѣзнь и 20 разъ можетъ пройти сама собою?" И неужели такой человѣкъ заслуживаетъ въ глазахъ вашихъ больше довѣрія, нежели тотъ, кто при явленіи этомъ усомнится, призадумается и наконецъ разсудитъ, что природа не можетъ же обманывать насъ такимъ образомъ каждый разъ, при каждомъ новомъ опытѣ? Иначе не было бы никакой нужды лѣчиться Къ чему же пѣявки и мушки и летучія мази и несносныя для больнаго полосканья, при коихъ болѣзнь тянется нерѣдко двѣ, три недѣли, и наконецъ всетаки частенько переходитъ въ нагноеніе? Къ чему это все, если природа исцѣляетъ и сама собою каждый разъ въ

теченія нѣсколькихъ часовъ при одномъ но дѣйствительномъ гомеопатическомъ приѣмѣ? Если такъ, то не лучше ли потѣшать эту упрямую природу, какъ тѣжатъ любимаго баловня въ семьѣ, дать, разсмѣявшись на странныя причуды ея, приѣмъ вздорнаго, пустаго, но совѣстно изготовленнаго средства, и избавить больнаго отъ тягостной, несносной болѣзни, которая не даетъ ни говорить, ни глотать по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ.

Но довольно. Я и такъ, можетъ быть, употребилъ во зло терпѣніе ваше. Я говорилъ о предметѣ, который привлекаетъ на себя и въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе цѣлаго міра, а слѣдовательно и вниманіе Русскихъ, и Русскихъ врачей въ особенности. Что, если бы общество, основавшееся у насъ въ столицѣ для распространенія и повѣрки наблюденій и открытій, посвятило нѣсколько мѣсяцевъ на добросовѣстное изслѣдованіе важнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ врачебныхъ вопросовъ, что такое гомеопатія? и если бы почтенное и ученое общество это

объявило во всеуслышаніе выводы своихъ наблюдений? Гомеопатія нынѣ до того распространилась всюду, что если бы она даже была и въ самомъ дѣлѣ обманъ и суевѣріе, то стоило бы, убѣдившись въ томъ собственнымъ опытомъ, противодѣйствовать такому вредному лжеученію. Кажется, это было бы дѣло вполне достойное общества русскихъ врачей. А что, если это не обманъ и не вымыселъ, если это истина? Что тогда скажутъ внуки, правнуки наши о XIX вѣкѣ, гордящемся просвѣщеніемъ своимъ.

Взгляните на Германію, Францію, Англію, Швейцарію, Италію, Данію, Сѣверную Америку - посмотрите списки гомеопатовъ, остановитесь на каждомъ имени, извѣстномъ въ ученомъ мірѣ, и спросите себя: "и этотъ лжетъ или блуждаетъ?" и вы устанете, господа, а можетъ статья, и покраснѣете невольно и призадумаетесь. Взгляните на каталоги, бездны гомеопатическихъ книгъ, журналовъ, газетъ, и дайте сами себѣ отчетъ: возможное ли, сбыточное ли дѣло,

чтобы все это было соткано изъ обмана, плутовства и заблуждений? Не забудьте, что у гомеопатовъ теоріи еще нѣтъ, а есть одна только практика, опытъ; что много, и съ году на годъ болѣе, врачей переходятъ отъ стараго ученія къ новому, но не слышать что то о переходахъ обратныхъ: кто испыталъ однажды и убѣдился, того сбить съ пути и воротить трудно!